

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Городская олимпиада школьников по литературе
2015
9 класс

Задание 1 (15 баллов)

Представьте себе, что в Вашей школе проходит день самоуправления - и Вы пришли в роли учителя на урок чтения в первый класс. На уроке Вы употребили в своей речи литературоведческое понятие, и первоклассники заинтересовались у Вас, что значит это слово. Напишите свое объяснение этого слова, учитывая особенности возраста первоклассников, а также обязательно приведите свои примеры из фольклора и литературы

Литературоведческие понятия (только одно на выбор):

- Эпиграф
- Метафора
- Композиция

Задание 2 (35 баллов)

Дайте развернутый анализ или интерпретацию (понимание) поэтического или прозаического произведений (на ваш выбор):

Давид Самойлов

Пушкин по радио

Возле разбитого вокзала
Нещадно радио орало
Вороньим голосом. Но вдруг,
К нему прислушавшись, я понял,
Что все его слова я помнил.
Читали Пушкина.
Вокруг
Сновали бабы и солдаты,
Шел торг военный, небогатый,
И вшивый клочкотал майдан.
Гремели на путях составы.
"Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман".

Мы это изучали в школе
И строки позабыли вскоре -
Во времена боев и ран.
Броски, атаки, переправы...
"Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман".

С двумя девчонками шальными
Я познакомился. И с ними
Готов был завести роман.
Смеялись юные шалавы...
"Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман".

Вдали сиял пейзаж вечерний.
На ветлах гнезда в виде терний.
Я обнимал девичий стан.
Ее слова были лукавы.
"Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман".

И вдруг бомбежка. Мессершмитты.
Мы бросились в кювет. Убиты
Фугаской грязный мальчуган
И старец, грозный, величавый.
"Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман".

Я был живой. Девчонки тоже.
Туманно было, но погоже.
Вокзал взрывался, как вулкан.
И дымы поднялись, курчавы.
"Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман".

1984

Татьяна Толстая

Йорик

На подоконнике моего детства стояла круглая жестянка пыльного цвета, с черной надписью: «Дорсет. Свиная тушенка». Жестянка служила братской могилой для всех одиноких пуговиц. Вот оторвется пуговка от манжеты, укатится под кровать, и — все: шарь — не шарь, тыкай — не тыкай веником, пропала навеки. Тогда вытрясали на стол содержимое «Дорсета», перебирая его одним пальцем, как гречку, в поисках пары, но, конечно,

никогда ничего нужного не находили. Поколебавшись, отпарывали, так уж и быть, и вторую пуговичку, бросали сиротку в общую кучу, и в галантерею покупали полдюжины пуговиц новых, завернутых в вощеную, мутно-чайного цвета бумажку.

За окном ходил трамвай, дребезжало стекло, сотрясался подоконник, и мелкое население «Дорсета» тихо позвякивало, как будто там шла своя маленькая, сварливая жизнь. Помимо пуговиц, в жестянке водились старожилы: скажем, набор игл от ножной машинки «Зингер», на которой так долго никто не шил, что она понемножку стала растворяться в комнатном воздухе, истончаться в собственную тень, да так и пропала, а ведь была красавицей: черная, с упоительно тонкой талией, с четко-золотым сфинксом, напечатанным на плече, с золотым колесом, с черным сыромятным приводным ремешочком, со стальным, опасно-зубастым провалом куда-то вглубь, в загадочные недра, где, содрогаясь, туда-сюда ходил челнок, непонятно что делавший. Или истлевшая бумажка, на которой, как черные насекомые, сидели крючочки и петельки: бумажка умирала, и крючочки падали на дно могилы, тихо звякнув. Или просто металлическое нечто, похожее на зубо-врачебный инструмент, а что это было — никто не знал, потому что зубных врачей у нас в семье не было. Вылавливаешь это холодно-колкое двумя пальцами: папа, а это что? Папа надевает очки на лоб, осторожно берет и вертит. «Трудно сказать... Что-то такое...»

Маленькие трупики вещей, ракушки затонувших островов. И без конца всплывала, проваливалась на дно и снова вылавливалась мутно-костяная пластинка, непригодная ни на что. Естественно, ее, как и все прочее, никто не выбрасывал. Однажды кто-то сказал: «А вот это китовый ус».

Китовый ус! Сразу представился чудо-юдо, рыба-кит, гладко-черная гора в сером, серебристо-медленном море-океане. Посреди кита — фонтан, как в Петродворце, — бьет пенной водой на обе стороны. Маленькие внимательные глазки. На морде у чуды-юды — усы, длинные и пушистые, совершеннейший Мопассан. Впрочем, энциклопедический словарь пишет: «Зубы только у т. н. зубастых К. (дельфины, нарвалы, кашалот, клюворылы), к-рые питаются гл. обр. рыбой; усатые К. (серые К., гладкие К., полосатики) имеют на нёбе роговые образования — „усы“, служащие для отцеживания планктона»... Неправда, не только для отцеживания: еще в 1914 году портниха, шившая модное платье моей бабушке, укоризненно сказала ей, рассеянной и беззаботной: «Сейчас, Наталья Васильевна, без прямой планшетки вращаться нельзя...» Бабушка устыдилась и согласилась на прямую планшетку; портниха набрала кусочков изо рта серого К., а может, гладкого К., а может, полосатика, и вшила в бабушкин корсет, и бабушка, благополучно вращалась, нося под грудью, или на талии, осколки морей, частички нежной серо-розовой пасти, и проходила анфиладами комнат, стройная и маленькая, декадентская Афродита с тяжелым узлом темно-золотых волос, шурша шелками и дыша французскими духами и модными

норвежскими туманами, и головы поворачивались ей вслед, и сердца бились, и она неосторожно и опасно полюбила, и вышла замуж, и началась война, а потом революция, и она родила папу, — в день, когда строчил пулемет из тумана, — и волновалась, и забаррикадировала матовое окно ванной, и бежала на юг, и ела виноград, а потом опять застрочил пулемет, и она снова бежала на последнем пароходе из виноградной, богемной Одессы, и добралась до Марсея, а потом до Парижа, и голодала, и бедствовала, и унижалась, и сама теперь шила богатым, и ползала на коленках вокруг их юбок, зажав во рту булавки, закалывая подолы и подкладки, и отчаялась, и снова бежала на юг, — теперь уже Франции, — вообразив, что сама может, умеет не только есть виноград, но и делать вино: надо только топтать его ножками, называется ванданж, и тогда снова все разбогатеют и все станет как раньше, — рассеянно, беспечно, беззаботно; но опять позорно, смехотворно разорилась, и в августе 1923 года вернулась в Петроград: подстриженная, в новой, модно-короткой юбке и шляпке грибом, держа подростшего, испуганного папу за руку. Можно уже было вращаться без планшетки, на других условиях. Много тут чего вращалось.

Чтобы пересказать жизнь, нужна жизнь. Пропустим это. Потом как-нибудь.

Я, собственно, думаю про кита: как он нырял в холодную норвежскую воду, ничего не подозревая, не думая о рыжебородых северных рыбаках; как не берегся, выныривая на серую поверхность моря, воспетого модными писателями; минор модерна, — негаснущие желтые закаты в разливах северных вод, светловолосые девушки, сосны, камни, сонаты Грига. Роговые образования на небе, так называемые усы, задуманные как инструмент для отцеживания планктона, ему не понадобились, северные девушки нашли им лучшее применение. Тонкая талия — пышные волосы — трудная любовь — долгая жизнь — дети, которых волочат за руку по морям и континентам, — вот и войнам конец, делу венец, союзники шлют нам добротную свиную тушенку; мы съели ее и сплюнули в освободившуюся тару косточки, зубы и усы. Впрочем, зубы — у клюворылов, а наш, нагл собственный, личный, серый и гладкий полосатик, наш бедный Йорик рыбы не ел, рыбаков не обижал, прожил жизнь светлую и короткую, — нет, нет, долгую, долгую жизнь, она длится и посейчас, она будет длиться, пока из жестянки на дребезжащем подоконнике чьи-то неуверенные, задумчивые пальцы будут вылавливать и отпускать, вылавливать и отпускать молчаливые, чудесные черепки времени. Зажать в кулаке частичку Йорика, молочную и прохладную, — и сердце молодеет, стучит и рвется, и кавалер барышню хочет украсть, и вода бьет фонтаном на все стороны моря, и мир вращается, вертится, хочет упасть, и стоит на трех китах, и срывается с них в головокружительные бездны времени.